

Хроника большого времени: Заметки о биографии Георгия Эристов

Стефано Гардзонио – Федор Поляков

◇ eSamizdat 2014-2015 (X), pp. 77-80 ◇

В ЧИСЛО поэтов, оставивших свой след в литературе “русской Италии”, входит князь Георгий Захарьевич [Арчилович, Александрович] Эристов (1902-1977). Известны его три поэтических сборника, фрагменты литературных воспоминаний, отдельные публикации стихов, разбросанные по эмигрантской периодике. При просмотре стихотворного наследия Эристов обращают на себя мотивы ухода в изгнание и странствований, в том числе и стихотворение *Исход (Константинополь)*, воспринимаемое как определенный знак на фоне предшествующей поэзии русской эмиграции, а именно ее первой волны (ср.: “Исход. Босфор. Оставлен Рубикон. / Мы подплываем к Золотому Рогу [...]”)¹. Сам цикл *Скитания*, который открывается упомянутым стихотворением, датирован расплывчатым указанием на две эпохи — “1927-1954”. Исследователям зачастую представлялось, что в биографии самого поэта оказывались переплетены, посреди других неясностей, две эмиграции — первой и второй волны. Такая информация дана, в частности, и в весьма подробном обзоре Анастасии Пасквинелли “Георгий Эристов, русский поэт в Милане” [http://www.italy-russia.com/2014_07/eristov-georgij/]². После публикации нескольких замечательных работ Б.А. Равдина и в процессе подготовки нами издания стихотворений Эристов потребовалось свеести воедино различную биографическую информацию, часть которой представлена ниже в каче-

стве материала для дискуссии.

В автобиографической справке, предназначенной для антологии 1966 г., Эристов писал:

Родился 6-го Мая 1902 г. в городе Батуми (Грузия). Детство провел между Грузией и Петербургом (мать моя была русская). Окончил классическую гимназию и два факультета: инженерный (химия) и экономический. После долгих лет скитаний по Европе, обосновался в Италии, где живу уже почти три десятка лет³.

По словам составителя этого сборника Татьяны Фесенко, “сведения, сообщенные поэтами о себе в следующем за их стихами разделе, нельзя назвать био-библиографическими справками, поскольку в большинстве случаев в них даже не раскрываются псевдонимы поэтов. Они только как бы создают определенный климат, тем более что присланные поэтами данные (иногда в первом, иногда в третьем лице) *не подвергались какому-либо изменению* [...]”⁴. Таким образом, если присланные авторами сведения о себе относятся ко времени около середины 1960-х годов, те самые “почти три десятка лет” должны указывать на 1930-е годы, а “долгие скитания по Европе”, при любом представлении об их длительности — на период довоенный и на какую-то связь с первой волной эмиграции.

Однако уже обращалось внимание на свидетельство эмигранта второй волны Геннадия Панина (1895-1990) о том, что во время Второй мировой войны Эристов не только находился на оккупированных территориях, но и принимал участие в работе нацистского пропагандистского аппарата. Свидетельство Панина было напечатано

¹ Г. Эристов, *Сонеты*, Милан 1955, с. 51.

² См. также А. Пасквинелли, “Георгий Эристов, русский поэт в Милане”, *Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции*, Москва 2006, с. 304-319.

³ *Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья*, Вашингтон 1966, с. 554.

⁴ Т. Фесенко, “От составителя, Там же, с. [8]; курсив наш.

в 1997 г., после его смерти, благодаря усилиям Эллы Бобровой (1911-2012), поэтессы и публициста второй волны эмиграции; отметим также, что в 1960-х годах Эристов печатался в журнале *Современник* в Торонто, в редакцию которого входила Элла Боброва. Итак, “по данным Геннадия Панина, встречавшего Эристова в оккупированном Крыму, Эристов сотрудничал в 1940-е годы в симферопольском *Голосе Крыма* и был редактором информационного бюллетеня для частей армии РОА (армии ген[ерала] Власова). Редактировал газ[ету] *Доброволец*, выходившую в Германии”⁵. Указание Панина сомнений не вызывает, поскольку сам он в 1942-1943 гг. являлся ответственным секретарем редакции *Голоса Крыма* (а в 1944 — ее корреспондентом)⁶. Сотрудничавший с той же газетой поэт Дмитрий Кленовский (Крачковский), живший после войны в Верхней Баварии, в местечке Траунштайн, и увидевший в 1963 г. публикацию каких-то стихов Эристова, имел основание задать Панину вопрос: “Эристов подвизается как поэт, но без особого успеха (вероятно, это он?)”⁷. Сомневаться в этом не приходится, как и в том, что с Эристовым Кленовский встречался в Крыму во время оккупации, причем, очевидно, ему было невдомек, что журналист и пропагандист Эристов — тоже был поэтом.

Материалы по истории советского коллаборационизма, власовского движения и русской культуры времени нацистской оккупации добавляют множество деталей к этим упоминаниям. Особый интерес вызывают исследования А.А. Кохана о русскоязычной прессе в оккупирован-

ном Крыму в 1941-1944 гг. В его статье о журнале *Современник* (1943 г.) приводятся следующие данные:

Эристов Георгий Арчилович — профессиональный пропагандист. В Крым прибыл весной 1943 года. С этого времени начинает читать лекции, посвященные РОА, в городах Крыма. После отступления немцев с Северного Кавказа происходит реорганизация Штаба пропаганды Крым, перестраивается и редакционная коллегия *Голоса Крыма*. В связи с этим Эристов Г.А. возглавляет литературно-художественный отдел газеты *Голос Крыма*, размещая на ее страницах статьи о литературных произведениях и общественно-политические очерки [...]. Практически все его статьи размещены в газете под псевдонимом “Инсаров”, помимо этого он подписывался “Георгием Александровым”, “Георгием Ростовым”, “князем Барятинским”. По окончании Дабендорфской школы пропагандистов, организованной в апреле 1943 года “Русским комитетом” Эристов начинает сотрудничать с наиболее крупными газетами, издававшимися на русском языке в годы Второй мировой войны...⁸

Именно псевдонимом “Г[еоргий] Барятинский” подписана его статья *Осмеянный пророк*, посвященная знаменитому письму Белинского к Гоголю⁹. В переработанном и освобожденном от прежнего идеологического балласта виде Эристов перепечатал ее в 1952 г. под собственным именем в усеченной форме “Георгий Сидамон” в Мюнхене в связи с гоголевским юбилеем¹⁰.

О деятельности капитана РОА Георгия Эристова в рядах пропагандистов имеется различная информация. Он имел касательство к нескольким изданиям РОА, в том числе к газете *Заря* (ответственный редактор) и к газете *Доброволец* (с лета 1944 года по апрель 1945 года — главный редактор), а также печатался в симферопольском журнале *Современник*, в газете *Новое Слово* и др. Среди его псевдонимов называются *Г. Александров*, *Г. Инсаров*, *Г. Барятинский*, *Н. Ростов* [sic], вероятно также — *Владимир Руда-*

⁵ *Словарь поэтов русского зарубежья*, под общей редакцией В. Крейда, Санкт-Петербург 1999, с. 277.

⁶ Б. Равдин, “Газетно-журнально-книжное довольствие остарбайтеров 1942–1945 гг.”, *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*, edited by С. Ciepiela, L. Fleishman, II, Stanford 2014, с. 153.

⁷ Ф. Поляков, “‘Созвучен не буре, а тишине’. Письма Дмитрия Кленовского к Альфреду Бему (1944 г.)”, *Нансеновские чтения 2009*, Санкт-Петербург 2010, с. 371-372. О роли Кленовского в этой газете см.: Б. Равдин, “Газетно-журнально-книжное довольствие остарбайтеров 1942–1945 гг.”, цит., с. 148-149.

⁸ А.А. Кохан, “‘Современник’ 1943 года: К вопросу о деятельности редакционной коллегии и подборе опубликованных материалов”, *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского*, 2013, Т. 26 (65), 2, с. 42.

⁹ Г. Барятинский, “Осмеянный пророк”, *Современник (Симферополь)*, 1943, 1, с. 15-29.

¹⁰ Г. Сидамон, *Осмеянный пророк (К столетию со дня смерти Н.В. Гоголя) 1852-1952*, Мюнхен [1952]. Публикация в виде брошюры (32 с.) вышла в издательстве Русская идея. Орган христианской общественной мысли (типография — ЛОГОС, Rosenheimerstraße 46a).

ков¹¹. В своих мемуарах Н.А. Троицкий (Яковлев) пишет:

Заведовал редакцией Добровольца Георгий Александрович Эрнстов. Статный, красавец-мужчина, интеллигентного вида грузин, князь Эрнстов. Перешел к немцам в Крыму. Сотрудничал ли он с Гестапо? Не могу утверждать, хотя потом об этом и говорили, не знаю. Он встретил меня по-кавказски радушно: “Мы очень-очень рады. Приступайте к работе”.

Перво-наперво познакомился с сотрудниками, просмотрел старые номера, разобрался в издательском процессе, а заодно получил ценную информацию: оказывается, Эрнстов страстный преферансист и вечера проводит за карточным столиком¹².

Обратим внимание, что в данном изложении Эрнстов предстает не как эмигрант, вернувшийся в Россию, а как перешедший к немцам в Крыму. Также известно, что в среде РОА Эрнстов, как и Борис Ширяев, был противником движения солидаризма генерала Ф.И. Трухина¹³.

Итак, есть ли основания представлять себе течение событий так, что Эрнстов поначалу оказался в эмиграции, оттуда отправился в оккупированный Рейхом Крым, примкнув к РОА, а затем стал вторично беженцем и вернулся в Италию?

Следует согласиться с Б.А. Равдиным, что “сведения о ранней, послереволюционной эмиграции Э. неверны”¹⁴. Эрнстов не мог принадле-

жать к первой волне эмиграции, поскольку находился в СССР и работал инженером в Ростове-на-Дону¹⁵. Этим объясняется и его псевдоним *Ростов* (кроме него, таким же псевдонимом, в формах *Георгий Ростов* и *Алексей Ростов*, пользовался С.В. Сигрист). До этого он принимал участие в тифлисском Цехе поэтов Сергея Городецкого¹⁶. Отмечалась опубликованная им в 1932 г. в журнале Северо-кавказский коллекционер (Ростов-на-Дону) статья о Гумилеве¹⁷. Там среди прочего читается:

Значение Н.О. [sic] Гумилева давно получило признание не только в среде поэтов, литераторов и критиков, но и в достаточно [sic] ценителей литературы и искусства. Без преувеличения можно сказать, что почти все созданное в русской поэзии в 1930 гг. носит печать влияния этого исключительно мастера формы. Молодые поэты, выступавшие в течение последнего десятилетия, находились под перекрестным влиянием лучших достижений футуризма и Гумилева, с преобладанием влияния последнего по мере изживания футуристических традиций.

Автор настоящей заметки работает над изучением в течение целого десятилетия (с 1923 г.), в частности им собран значительный материал по этике [sic “no поэтике”?] и словарю поэта. Работая с 1918 по 1922 г. сначала в акмеистическом Тифлисском цехе поэтов, а затем (с 1921 г.) в Закавказском Отделении Всероссийского Союза писателей и поэтов, автору удалось собрать и использовать в своих изысканиях интересные материалы связанные с акмеизмом вообще и с творчеством Н.С. Гумилева в частности¹⁸.

В предыдущем номере того же журнала его редактор П. Горцев поместил обширную библиографию материалов о Гумилеве, где, в частности, указывал:

“Отравленная туника”. Рукопись. (Драматическая поэма в диалогах, типа “Дитя Аллаха” и примерно того же объема. Содержание поэмы — любовь араба к дочери византийского императора. Сведения об этой рукописи почерпнуты из сборника “Репертуар” — см. дальше — и от т. Г.А. Эрнстова, ко-

¹¹ Б. Равдин, “Памятка читателю газеты ‘Парижский вестник’ 1943-1944”, *Vademecum. К 65-летию Лазаря Флейшмана*, Москва 2010, с. 481 (псевдоним В.А. Георгиев — ?), 490-491 (псевдоним Г. Инсаров); Тот же, “Глеб Глинка — утраченный эпизод биографии”, *Venok. Studia Slavica Stefano Garzonio Sexagenario Oblata. In Honor of Stefano Garzonio*, edited by G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso, I. Stanford 2012, с. 307-309; Тот же, “Газетно-журнально-книжное довольствие оstarбайтеров 1942-1945 гг.”, цит., с. 165-166. Ср. также: “Раздел V. Лагерь и школы агентов-пропагандистов, административные органы и вооруженные формирования, проводившие разведывательную, контр-разведывательную и карательную деятельность” [<http://istmat.info/node/28454>]; А. Окорочков, *Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны*, Москва 2007, с. 156.

¹² Н. Троицкий (Яковлев), *Военное лихолетье*, <<https://www.proza.ru/2008/07/22/432>>. См. также: Б. Равдин, “Памятка читателю газеты ‘Парижский вестник’ 1943-1944”, цит., с. 529.

¹³ И. Петров, “Зыковиана”, <<http://labas.livejournal.com/1011932.html>>. Отметим также, что статью о Зыкове как сталинском агенте написал Б.Н. Ширяев (под псевдонимом Алымов).

¹⁴ Б. Равдин, “Газетно-журнально-книжное довольствие оstarбайтеров 1942-1945 гг.”, цит., с. 165.

¹⁵ Тот же, “Глеб Глинка — утраченный эпизод биографии”, цит., с. 306.

¹⁶ См. его мемуары: Г. Эрнстов, “Тифлисский Цех поэтов”, *Современник* (Торонто), 1962, 5, с. 30-33. О тифлисском Цехе поэтов см. также: Т.Л. Никольская, “С.М. Городецкий в Грузии (1917-1919). Материалы к библиографии”, *De visu*, 1993, 9 (10), с. 59-63, а также: Тот же, “Фантастический город”. *Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917-1921)*, Москва 2000.

¹⁷ Г.А. Эрнстов, “Николай Степанович Гумилев (Материалы к биографии и библиографии)”, *Северо-кавказский коллекционер. Оттиск стенгазеты Севкавказотдела*, 1932, 10-12 (56-58), с. 22-27.

¹⁸ <<http://www.bonistikaweb.ru/SEVKAVKO/1932-10-12.htm>>.

тому посчастливилось этим летом в Кисловодске видеть и прочесть копию рукописи у проф. В.И. Попова)¹⁹.

Очевидно, у “товарища Эристова” был советский отрезок в его биографии, подробности которого пока скрыты от нас – вплоть до его появления в Симферополе после оккупации Крыма в чине капитана РОА. Для последующей жизни в

Италии он по каким-то причинам счел необходимым подменить это советское прошлое – а для него, при его княжеском титуле и происхождении, вероятно весьма тяжелое – намеком на эмиграцию, т.е. на самую распространенную в его семье и социальной среде биографическую канву.

¹⁹ П. Горцев, “Материалы к библиографии Н. Гумилева”, *Северокавказский коллекционер. Оттиск стенгазеты Севкавказрайотдела*, 1932, 7-9 (53-55), с. 17-21. В.И. Попов (1887-1936), педагог и библиофил, дружил с М.А. Волошиным. См.: А.В. Лавров, “Владимир Щировский – корреспондент Максимилиана Волошина”, *Озерная школа. Труды пятой международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе*, Поселек Поляны (Уусикирко), Лен. область 2009, с. 75.